

БОТАНИЧЕСКИЙ САД КАК КОЛОНИАЛЬНАЯ ИНСТИТУЦИЯ: В. М. АРНОЛЬДИ О ПОЕЗДКЕ В БЕЙТЕНЗОРГ В 1909 году

*Савицкий Евгений Евгеньевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доцент кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).
E-mail: savitski.e@rggu.ru*

Аннотация. Российский ботаник, профессор Харьковского университета Владимир Митрофанович Арнольди составил записки о своей исследовательской поездке в Бейтензоргский ботанический сад в 1909 г., благодаря которым есть возможность увидеть особенности восприятия российским ученым колониального мира Нидерландской Индии. Как показывают записки Арнольди, ботанический сад того времени был важен не только в научном и экономическом плане, он наделялся также различными символическими значениями, в которых соединялись научный, эстетические и политические ценности. Прежде всего, ботанический сад, рассматриваемый как музей прошлых исторических эпох, позволяет выстроить единую схему естественного исторического развития народов, что оправдывает голландскую «культурную миссию». Ботанический сад выступает также как элемент современной зрелищной культуры, предлагая образы диковинного и экзотического. Это не препятствует одновременному использованию стратегий культурного приближения, благодаря которым ботанический сад, организованный по принципам неоклассической эстетики, оказывается чем-то вроде платоновского сада академии и идеального города. Хотя Арнольди и отмечает отдельные проявления несправедливости, Бейтензоргский ботанический сад и в целом Нидерландская Индия предстают для него образцом разумного правления, в связи с этим особое внимание уделяется образу Мельхиора Трейба, директора сада. Сопоставление описаний ботанического сада у Арнольди и в упоминаемом им рассказе Гаршина позволяет увидеть, как в представлениях Арнольди соотносились научная свобода и политическая ответственность, гуманистические идеалы и требования научной беспристрастности. Колониальный ботанический сад важен для Арнольди и в связи с размышлениями о будущем России, настоящее положение которой представляется трагическим. Будучи настроенным пессимистически, Арнольди тем не менее делает прекрасный ботанический сад аллегорией иной России.

Ключевые слова: ботанический сад, Бейтензорг, Нидерландская Индия, Мельхиор Трейб, Владимир Митрофанович Арнольди, Россия, эстетика природы, колониальная история, имперские идеологии, история Индонезии.

Е. Е. Savitskiy

Botanical Garden as a Colonial Institution: V. M. Arnoldi About his Journey to Buitenzorg in 1909

Evgeniy Savitskiy, Institute of World History Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: savitski.e@rggu.ru

Abstract. Vladimir Mitrofanovich Arnoldi, a Russian botanist, professor at the Kharkiv University, compiled notes on his research trip to the Buitenzorg Botanical Garden in 1909, which allow to see how the Russian scientist perceived the colonial world of the Dutch India. As Arnoldi's notes show, the Botanical Garden of that time was important not only as a scientific and economic institution, it was also endowed with various symbolic meanings, which combined scientific, aesthetic and political values. First of all, the botanical garden, regarded as a museum of past historical eras, allowed to build a single scheme of the natural development of peoples, which justifies the Dutch «cultural mission». The Botanical Garden also acts as an element of modern spectacular culture, offering images of outlandish and exotic. This does not prevent the simultaneous use of cultural approximation strategies, thanks to which the botanical garden organized according to the principles of neoclassical aesthetics turns out to be something like the Platonic garden of the Academy and the ideal city. Although Arnoldi notes some manifestations of injustice, the Buitenzorg Botanical Garden and the Dutch India in general appear to him as an example of rational government, and in this regard, special attention is paid to the image of Melchior Treub, the director of the garden. A comparison of the descriptions of the Botanical Garden by Arnoldi and in Garshin's story «Attalea princeps» allows us to see how scientific freedom and political responsibility, humanistic ideals and the requirements of scientific impartiality were correlated in Arnoldi's ideas. The colonial Botanical Garden is also important for Arnoldi in connection with reflections on the future of Russia, whose present situation seems to be tragic. Being generally pessimistic, Arnoldi, nevertheless, makes the beautiful botanical garden an allegory of a different Russia.

Keywords: Botanical garden, Buitenzorg, Netherlands India, Melchior Treub, Vladimir Mitrofanovich Arnoldi, Russia, aesthetic of nature, colonial history, imperial ideologies, history of Indonesia.

«В конце ноября 1908 г. выехала из Харькова группа путешественников, состоявшая из двух натуралистов и одного любителя, чтобы отправиться на остров Яву, в лабораторию Бейтензоргского сада...»¹ — так начинает свои записки руководитель этой группы профессор Владимир Митрофанович Арнольди. Записки Арнольди были опубликованы в Москве в 1911 г. и имели целью не только запечатлеть картины тропической природы, но и, по словам автора, дать описания быта жителей Нидерландской Индии в 1909 г.: «Вчерашние людоеды и дикари через какие-нибудь 10 лет уже переходят в полукультурное состояние, а за 25 лет физиономия страны и быт ее обитателей, которых коснулась культура, настолько изменятся, что лишь из описаний путешественников да в обрядах и обычаях можно будет себе представить то первобытное состояние, в котором находились дикие страны» (с. 15). Таким образом, Арнольди видится будущее, где (европейская) культура неизбежно преобразует жизнь туземных народов, которым предстоит проделать тот же естественный путь развития, что уже

¹ Арнольди В. М. По островам Малайского архипелага: Впечатления и наблюдения натуралиста. М., 2014, с. 16 (далее ссылки на эту книгу даются в тексте). О научной карьере чл.- корр. РАН В. М. Арнольди см.: Алексеев Л. В., Белякова Г. А., Поддубная-Арнольди В. А. Владимир Митрофанович Арнольди (1871–1924). М., 2001.

оставили позади жители европейских стран. Путешествие в Нидерландскую Индию оказывается не только путешествием в пространство, но и путешествием во времени, в уже давно минувшую эпоху первобытности². Нужно успеть увидеть настоящих «людоедов и дикарей» — тут книга Арнольди для привлечения читателей использует риторику широко распространенных в Европе конца XIX — начала XX веков показов экзотических человеческих типов³. Надо отметить, что о. Ява стал особенно важен для изучения праистории человечества после обнаружения там в 1891—1895 гг. останков питекантропа⁴.

Схожим образом Арнольди объясняет и свой интерес к тропической природе: «Геология показывает нам, что было время, и сравнительно еще не так давно, когда равномерный тропический климат был распространен по всему земному шару, когда в окрестностях Парижа росли пальмовые деревья, хлебное дерево, фикусы и другие тропические растения покрывали среднюю Европу... Растительный и животный мир тропиков показывает как бы первичные, жизненные типы, и, изучая их, мы можем понять и близкую нам нашу природную обстановку» (с. 48). Арнольди использует тут своеобразный прием остранения, предлагая читателю представить себе Париж или другой европейский город покрытым тропической растительностью, следы которой неприметно сохраняются и обнаруживаются исследователями. Схожие повествовательные приемы использовали и этнологи, как, например, Э. Тейлор, видевший в современных английских азартных играх пережиток древних гаданий, а в обычае пить за здоровье человека — след былых возлияний в честь богов и героев⁵. Самые заурядные вещи, вроде пожелания здоровья при чихании, оказывались связаны с седой древностью и объяснялись Тейлором через сопоставление с обычаями зулусов или амакоза. За банальной европейской повседневностью проглядывает экзотический и пугающий мир древних поверий. При этом, как показал недавно на примере Мултанского дела Р. Джераси⁶, такого рода сопоставления могли использоваться в политических целях, для представления современных жителей имперских окраин дикарями из далекого прошлого, якобы по-прежнему совершающими человеческие жертвоприношения.

Связи между этнологией и колониальной политикой были довольно хорошо исследованы в последней четверти XX века⁷, но в меньшей мере такого рода исследования затронули историю ботаники. Еще в 1979 г. вышла книга Люсил Броквей⁸,

² О превращении преодолеваемых пространственных дистанций в не преодолеваемые временные как способе конструирования образа другого, в особенности в описаниях путешествий на Восток, см.: *Caud Э.* Ориентализм. М., 2006, с. 87, 113, 362.

³ См., например: *Zoo humains: Au temps des exhibitions humaines.* Sous la dir. de N. Bancel, P. Blanchard, G. Boëtsch et al. Paris, 2004; *Dreesbach A.* Gezähmte Wilde: Die Zurschaustellung extischer Menschen in Deutschland, 1870—1940. New York — Frankfurt a.M., 2005; *Савицкий Е. Е.* Сомалийская деревня в петербургском Луна-парке в 1912 году: история и ее современные интерпретации. — История: Электронный научно-образовательный журнал. 2018, т. 9, вып. 8 (72). <https://history.jes.su/s207987840002442—5—1> (дата обращения 29.09.2019).

⁴ О значении этой находки в общественных дискуссиях того времени, в частности, в связи с вопросом колониального престижа, см.: *Schweighofer E.* Vom Neandertal nach Afrika. Der Streit um den Ursprung der Menschheit im 19. und 20. Jahrhundert. Göttingen, 2018, S. 171—190.

⁵ *Тейлор Э.* Первобытная культура. М., 1939, с. 43—62.

⁶ *Джераси Р.* Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013, с. 243—274.

⁷ См., например: *Writing culture: The poetics and politics of ethnography.* Ed. J. Clifford, G. E. Marcus. Berkley — Los Angeles, 1986; *Zimmerman A.* Anthropology and antihumanism in imperial Germany. Chicago, 2001.

⁸ *Brockway L. H.* Science and colonial expansion: The role of the British Royal botanic gardens. New York, 1979.

в которой рассматривалась роль ботанических садов, прежде всего британского сада Кью, в колониальной экспансии. Сочетая подходы социально-экономической истории и истории науки, Броквей показывала, что исследования, проводившиеся в ботанических садах, имели ключевое значение для распространения плантационных культур и повышения эффективности их выращивания, и именно это позволило Британии в XIX в. стать сверхдержавой. Отдельное исследование недавно было посвящено основанному в 1859 г. Сингапурскому ботаническому саду, одному из наиболее значительных в колониальном мире, способствовавшему распространению плантаций каучуковых деревьев и масличной пальмы как в Стрейтс-Сетлментс, так и в других британских колониях⁹. Автор этой работы, Тимоти Барнер, во многом соглашается с выводами Броквей, но в то же время отмечает, что ботанический сад был и местом борьбы различных представлений о том, как следует обращаться с природой. Сад был также местом, где вспомогательные рабочие из числа туземцев могли не только усваивать европейские знания и исследовательские техники, но переприсваивать связанный с ними имперский престиж, что имело значение в ходе позднейшей борьбы за независимость. Барнер указывает также на проблематичный современный статус Сингапурского ботанического сада, имевшего статус природного наследия, что недостаточно учитывает его прошлое экономическое и политическое значение. При этом в колониальную эпоху имело место как сотрудничество, так и конкуренция между различными ботаническими садами, стремление сохранить монопольное положение в некоторых исследовательских областях, и в Юго-Восточной Азии основным конкурентом Сингапурского сада был Бейтензоргский сад в Нидерландской Индии, куда и отправился Арнольди со своими спутниками. Ботанические сады, в которых были собраны растения из самых отдаленных уголков колониальных империй, выступали также воплощением колониального могущества и престижа, выполняя в этом плане ту же роль, что и создававшиеся в метрополиях и колониях музеи естественной истории¹⁰.

Предметом исследований в последние годы становились не только институции вроде музеев, садов или метеорологических станций¹¹, но также и истории отдельных сельскохозяйственных культур. Так, в 2018 г. вышла книга австралийского антрополога Майкла Тауссига, посвященная масличной пальме¹². Пальмовое масло, с одной стороны, является одним из наиболее востребованных товаров в современной глобальной торговле, но в то же время с плантациями этой пальмы связано разрушение локальных экосистем, использование низкооплачиваемого труда местных жителей, вмешательство транснациональных компаний в жизнь (пост)колониальных стран. Тауссиг исследовал, как в языке крестьян, политических активистов и правозащитников масличная пальма становится одной из ключевых фигур в осмыслении прошлого и настоящего. К более старым и ставшим уже классическими работам относится книга антрополога Сидни Минца «Сладость и власть: место сахара в истории Нового времени»¹³. Минц попытался написать двойную историю, в которой параллельно рассматриваются история плантаций сахарного тростника и все возрастающая роль сахара в культуре потребления европейцев XVIII–XX вв. Минц показывал, как формирование европейских привычек потребления

⁹ Barnard T. P. *Nature's colony: Empire, nation and environment in the Singapore botanic Gardens*. Singapore, 2017.

¹⁰ Mackenzie J. M. *Museums and empire: Natural history, human cultures and colonial identities*. Manchester, 2010.

¹¹ Williamson F. *Weathering the empire: meteorological research in the early British Straits settlements*. — *British journal for the history of science*, v. 48, 2015, p. 475–492.

¹² Taussig M. *Palma africana*. Chicago, 2018.

¹³ Mintz S. W. *Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History*. London, 1985.

было связано со стремлением плантаторов расширять рынки сбыта для своего товара, и как одновременно европейская культура потребления требовала все более интенсивной организации труда на плантациях. Схожее исследование европейской потребительской культуры в колониальном контексте можно найти и в недавней книге Эрики Раппапорт, посвященной чаю¹⁴. В более широком плане колонизация и «закрепощение» лесов исследовалось в рамках экологической истории¹⁵.

Записки Арнольди об исследовательской поездке в Нидерландскую Индию позволяют дополнить существующие исследования, в центре которых были институты, природные объекты или транснациональные социально-экономические процессы, мир-историческим рассмотрением того, как колониальная повседневность ботанического сада могла интерпретироваться отдельным исследователем. Российские нарративы о (естественнонаучных) путешествиях рубежа XIX–XX в. еще относительно мало исследованы на предмет их связи с колониальной культурой того времени, в отличие от аналогичных британских, французских или немецких повествований, имеющих свою специфику¹⁶, и книга Арнольди может быть исследована также на предмет того, какое значение имело посещение колониального ботанического сада именно для русского исследователя.

Важность ботанического сада для колониального плантационного хозяйства не была для Арнольди секретом: «Когда я на пароходе “Rumphius” на пути домой ехал из Батавии в Сингапур, я получил приглашение от комитета табачных плантаторов перейти к ним на службу, причем они соблазняли меня отпуском огромной суммы денег (чуть ли не 40.000 гульденов) на лабораторию для изучения табака» (с. 47). Значимую роль ботанического сада в колониальной экономике отмечает и посетившая Нидерландскую Индию шестнадцатью годами ранее княгиня О. А. Щербатова: «Задача ботанического сада состоит не только в приобретении всевозможных представителей флоры всего мира и в особенности растений, могущих развить колониальную промышленность, но также и в изучении их патологии и физиологии. С целью же увеличения производства постоянно делают опыты над усовершенствованием продуктивности сахара, кофе, чая, хинного дерева, табаку, индиго и других полезных экономических растений»¹⁷.

Арнольди в своих записках, однако, не только констатирует экономическую важность ботанического сада, он подчеркивает также образцово налаженное в Нидерландской Индии сотрудничество между учеными, властями и предпринимателями (с. 47). В Бейтензоргском саду удастся «гармоническое сочетание науки и практики: наука идет впереди, к ее мнению прислушиваются практики, поступая по указанию науки, сочетая теоретические заключения с возможностью практического применения» (с. 47–48). В описании Арнольди Бейтензорг оказывается чем-то вроде идеального платоновского города, где ведущая роль отводится мудрейшим людям, ученым, которые идут впереди и дают указания следующим за ними ремесленникам-практикам, с уважением прислушивающимся к своим учителям.

Колонии и раньше рассматривались как места воплощения социальных утопий¹⁸, в частности, русский путешественник в Новую Гвинею Н. Н. Миклухо-Маклай,

¹⁴ *Rappaport E. A Thirst for Empire. How Tea Shaped the Modern World. Princeton, 2017.*

¹⁵ *Лупанова Е. М. История закрепощения природного ресурса: лесное хозяйство в России 1696–1802 гг. СПб., 2017; Кюстер Х. История леса: Взгляд из Германии. М., 2018. См. также: Человек и природа: Экологическая история. СПб., 2008.*

¹⁶ *Caud Э. Указ. соч., с. 262–308; Pratt M. L. Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. London – New York, 1992; Writing, Travel, and Empire: In the Margins of Anthropology. Ed. by P. Hulme, R. McDougall. New York, 2007.*

¹⁷ *Щербатова О. А. В стране вулканов: путевые заметки на Яве 1893 года. М., 2009, с. 119–120.*

¹⁸ См., например: *Emerit M. Les saints-simoniens en Algérie. Paris, 1941.*

планировавший основать там русскую колонию, видел ее как иную Россию с демократически избираемым самоуправлением, религиозной свободой, самообложением налогами, общинным решением земельных вопросов и вопросов безопасности¹⁹. Еще раньше, во второй половине 1850-х гг., планы создания независимой от царских властей русской колонии попытался реализовать П. И. Бахметев, ставший прообразом для Рахметова в романе «Что делать?» Н. Г. Чернышевского²⁰. Другой российский подданный, Петр Верещинский, после подавления польского восстания в 1863 г. вынашивал планы создания в Новой Гвинее под международным протекторатом новой свободной Польши²¹.

Арнольди, однако, отмечает и несправедливость колониального общества, проявляющуюся в неравной оплате труда европейских и неевропейских сотрудников ботанического сада: обычные рабочие получают не больше 8–10 гульденов в месяц, и только старший над ними, «очень интеллигентный человек, знающий не только туземные, но и латинские названия растений, получает даже 60 гульденов. “Колоссальное жалование”, говорили мне европейцы. “Сколько же вы сами имеете за подобный труд?” — спросил я. “О, у нас нет вознаграждения меньше 200 гульденов”» (с. 68).

В то же время, в отличие от М. М. Бакунина, русского консула в Батавии во второй половине 1890-х годов, описывавшего колониальное общество как деградирующее и вырождающееся, Арнольди не склонен к пессимистичным оценкам. Уже первые впечатления путешественников по прибытии на Яву разнятся. Бакунин, приехав в Батавию, «смотрел по сторонам и дивился: куда же девалась образцовая голландская опрятность; неужели голландцы, столь щепетильные и аккуратные, освоились с этими непривлекательными условиями, с этою мизерной, почти постыдной обстановкой и не предпринимают ничего, чтобы очистить эти авгиевы конюшни?» Прибыв в гостиницу, считавшуюся лучшей в Батавии, а на деле едва дотягивавшей до уровня петербургского Гостиного двора, Бакунин «остался один на один с моими грустными размышлениями и глубоко разочарованный при мысли, что мне придется целых пять лет жить среди этой обстановки, не предвещавшей ничего привлекательного»²². В отличие от Бакунина, описывавшего дома в Батавии как «старые, местами потрепанные от сырости и ветхости, с опавшей штукатуркой и грязными деревянными лестницами», Арнольди находит их производящими «впечатление уюта и комфорта» (с. 36). Оказавшись в гостинице, Арнольди тут же выходит на балкон: «Удивительный вид открывается с этого балкона! Не даром гостиница носит свое имя “Hôtel Belle-Vue”... Она стоит на высоком берегу реки Tjidani, катящей свои быстрые волны с вулкана Салака. Высокие, стройные пальмы покрывают берега этой речки: сквозь их чащу видны домики малайцев, населяющих противоположный берег. Коричневые волны Чидани оживлены массой целые дни полошущихся в ней коричневых детей и взрослых: одни купаются, другие — прачки — стирают белье» (с. 38–39). То, что для Арнольди оказывается частью живописного вида, для Бакунина выглядело совершенно иначе: «По каналам этим, столь любезным голландскому сердцу, снуют нагруженные баржи, а в непривлекательной жидкости этих *кали* купаются и ныряют туземцы с чадами и домочадцами»²³. Арнольди не жалуется на климат, вполне нейтрально

¹⁹ Неизвестный Миклухо-Маклай. Переписка путешественника с царствующим Домом Романовых, Министерством иностранных дел, Морским министерством и Императорским Русским Географическим обществом. Сост. О. В. Каримов. М., 2014, с. 406.

²⁰ Эйдельман Н. Я. Павел Иванович Бахметев (одна из загадок русского революционного движения). — Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. т. 4. М., 1965, с. 387–398.

²¹ Mückler H. Kolonialismus in Ozeanien. Wien, 2012, S. 90.

²² Бакунин М. М. Тропическая Голландия: пять лет на острове Ява. М., 2007, с. 22–23.

²³ Там же, с. 30.

описывая его особенности, а также, в отличие от Бакунина, не допускает расистских высказываний в отношении неевропейских жителей острова. Арнольди, однако, вообще очень мало говорит о политике, по-видимому, не очень ею интересуясь, а когда о ней все же заходит речь, как при описании административной системы Нидерландской Индии, то в своих суждениях он ограничивается похвалами разумности голландского правления, в которую интегрированы представители прежних княжеских династий: «Благодаря этой мудрой политике, благодаря разумному хозяйству и запрещению продавать туземные земельные имущества европейцам Голландия с очень малыми военными силами управляет всем огромным архипелагом, внушая всюду уважение к авторитету своих администраторов» (с. 122). Арнольди не упоминает ни об Ачехской войне, ни о продолжающейся в начале XX в. экспансии голландцев на Калимантане, Сулавеси, Молуккских и Малых Зондских островах. Частью хорошо отлаженной колониальной администрации является и Департамент земледелия, в управлении которого находится Бейтензоргский ботанический сад: «Возникнув путем медленным, синтетическим, строя свои заключения на основании строгих научных данных, Бейтензоргский департамент земледелия мог служить образцом для всякого другого подобного учреждения» (с. 46).

Бейтензорг (в пер. с голл. — «Без забот», совр. Богор), расположенный примерно в 60 км к югу от Батавии (совр. Джакарты), главного города Нидерландской Индии, отличался более умеренным климатом и служил фактической резиденцией голландского генерал-губернатора, там же проживала основная часть столичного чиновничества. Ботанический сад возник изначально как парк при генерал-губернаторском дворце и лишь начиная с 1830-х годов усилиями инспектора сада Йоханнеса Элиаса Тейсмана превратился, как пишет Арнольди, в «самостоятельное научное учреждение». «Teijsmann'ом был засажен Ботанический сад, устроены его отделения на склоне вулкана Геде; им были сделаны бесчисленные поездки по Яве и другим островам архипелага для сбора полезных растений; им была введена культура хинного дерева (*Cinchona Calisaya*), ванили и целого ряда других растений, дающих в настоящее время огромные доходы государству и частным лицам» (с. 45). В последующие годы Нидерландская Индия стала одним из крупнейших производителей хинина, столь важного для жизни в колониях. Память о научных и организаторских достижениях Тейсмана была увековечена обелиском в ботаническом саду, сохранившимся до наших дней. Преемником Тейсмана стал Рудольф Шеффер, до этого стажировавшийся в лондонских Садах Кью и в Ботаническом саду в Париже. Именно при Шеффере в 1870-е годы на первый план выходит экспериментальная работа по улучшению экономически важных культур, начинается издаваться «Ежегодник Бейтензоргского ботанического сада», было продолжено обустройство горного филиала сада, но, как ни странно, Арнольди ни разу не упоминает Шеффера в своей книге, что, по-видимому, отражает местную мемориальную традицию. Наряду с основоположником Тейсманом для Арнольди есть лишь одна почитаемая фигура — это современный ему директор сада Мельхиор Трейб, к 1909 г. возглавлявший сад уже на протяжении почти тридцати лет. Арнольди характеризует Трейба как «первоклассного исследователя и не менее одаренного организатора» (с. 46): «Лишь ботанический сад с музеем получил в наследство от своих предшественников проф. Трейб, а все остальное было делом его рук, его энергии», — пишет Арнольди (с. 48), преувеличивая заслуги Трейба, но, по-видимому, основываясь на рассказах самого харизматичного профессора, лично водившего русского коллегу по своему саду. Трейб предоставляет Арнольди возможность пользоваться специальной лабораторией для иностранцев в основном саду, дважды совершить поездку в горный филиал, и даже предоставляет Арнольди и его спутникам исследовательское судно для поездки на коралловые острова. Таким образом, у Арнольди были все основания отзываться о Трейбе с большой признательностью. Перед самым

возвращением в Россию Арнольди узнает, однако, об отставке директора. Роберт-Ян Вилле²⁴, современный исследователь деятельности Трейба, связывает отставку с медицинскими причинами: Трейб действительно умер всего через год во Французской Ривьере. Арнольди же со слов самого Трейба пишет о том, что отставка была вызвана разногласиями с генерал-губернатором, хотя и не уточняет, в чем они заключались. «Найдется ли другой человек, который мог бы вложить в свое дело столько энергии и таланта, как этот выдающийся ученый и администратор», — комментирует Арнольди отставку Трейба (с. 225). Завершение эпохи Трейба делает еще более печальным для Арнольди расставание с садом в Бейтензorge: «Вряд ли когда-либо придется еще раз увидеть эти места и снова пережить те ощущения, которые навеивает эта чарующая и вместе с тем мощная тропическая природа. Неизгладимое впечатление от нее останется, конечно, на всю жизнь, как одно из лучших воспоминаний» (с. 226).

Арнольди не замечает оборотной стороны научных успехов Тейсманна и Трейба, не видит конфликта между успехами науки и успехами европейских плантаторов. Образцово организованный мир лабораторий, их четкий иерархический порядок, при котором «многочисленный персонал мелких малайских служащих» «работает под присмотром европейских шефов» (с. 46) оказывается наглядным воплощением «культурной миссии» (с. 48), подчиняющей природу разумному порядку. Учреждения Департамента земледелия, «составляющие целый город» (с. 46), позволяют четко разделять направления работы: «Ботаники на основании современных методов исследования изучают расы, улучшают их путем отбора и скрещивания, химики ведут параллельно изучение их химических свойств, соединяющихся с сортами и расами этих растений» (с. 47). Так же и сам ботанический сад, аллеи которого отходят от пруда перед дворцом генерал-губернатора, состоит из собранных вместе в отдельные «кварталы» групп растений, которые поэтому удобны для сопоставления. Примечательно, что используемые Арнольди термины создают двусмысленность: ботанический сад оказывается как бы городом с кварталами, где обособленно обитают различные расы, подлежащие улучшению европейскими учеными во главе с Трейбом.

Наблюдение над растениями в саду позволяет увидеть мудрость природы, как при описании Арнольди дишидии: «Это растение, которое ботаники зовут дишидия, имеет листья двоякого рода. Одни из них, почти округлой формы, довольно мясисты, как у многих эпифитов, служат для обычного питания растения, другие же имеют странную форму мешков, отходящих пучками в некоторых местах стебля. Если вскрыть такой мешок, то в нем найдем воду и целый пучок корней самого растения. Она получает нужную для себя воду только от дождя, но дождевой воды, быстро стекающей с растения, было бы недостаточно для поддержания жизни растения, и растение превратило свои листья в настоящие водные резервуары, где оно сохраняет воду и куда оно пускает свои корни, не боясь некоторой засухи» (с. 56). В этом описании Арнольди примечательно, что растение как бы обретает субъектность, оно будто осознанно само себя модифицирует, чтобы не зависеть от непостоянства осадков. Подобно тому, как предусмотрительный земледelec в «Георгиках» Вергилия строит запруды и создает запас воды, так же и дишидия обзаводится своими водными резервуарами. Описание Арнольди здесь снова двусмысленно, оно не только уподобляет растение человеку, но и указывает человеку на мудрость природы, которой стоит подражать. Раскрывая мудрость природы, являя многообразие видов растений, способов их приспособления к окружающей среде, департамент земледелия во главе с «европейскими шефами» оказывается тем, кто доносит эту мудрость до людей, говорит от имени природы и действует подобно ей, ведь природа сама себя модифицирует. Соответственно, не

²⁴ Wille R.-J. Mannen van de microscoop: De laboratoriumbiologie op veldtocht in Nederland en Indië, 1840–1910. Nijmegen, 2019, p. 163.

может быть и речи о каком-то внешнем насилии. Тем самым в примыкающем к дворцу генерал-губернатора ботаническом саду колониальная политика натурализируется, оказывается столь же бесспорной, как и уроки природы и строгие научные выводы авторитетных ученых. Упорядочивание природы оказывается тесно связано с политическим и экономическим «упорядочиванием» жизни на острове. Природа в саду выглядит подчиненной и одомашненной, различные группы растений проявляют свои удивительные свойства в строго отведенных им рамках, подобно тому, как в Батавии и Бейтензорге малайцы и китайцы живут, подчиняясь колониальному порядку, в особых отведенных им кварталах, которые Арнольди осматривает с тем же интересом, что и кварталы ботанического сада.

Примечательно в связи с этим, что, рассказывая о квартале пальм, где среди прочих растет атталей, «одна из наиболее красивых местных пальм», Арнольди вспоминает посвященный ей «поэтический рассказ» «*Attalea princeps*» (с. 63) В. М. Гаршина, написанный еще в 1879 г. В нем говорится о некоем большом городе в Европе, где был ботанический сад, а в нем — «огромная оранжерея из железа и стекла, которая была «очень красива: стройные витые колоны поддерживали все здание, на них опирались легкие узорчатые арки, переплетенные между собой целой паутиной железных рам, в которые были вставлены стекла»²⁵. Гаршин с самого начала обращает внимание на эстетизацию природы в ботаническом саду через ее архитектурное обрамление. Также и Арнольди отмечает эстетическое впечатление от сада, когда впервые попадаешь туда: «Вы входите в одну из главных достопримечательностей — канариевую аллею из деревьев *Canarium commune*, посаженную Тейсманном около 80 лет тому назад. Высокие, стройные деревья с большой развесистой кроной тесно примыкают своими ветками друг к другу, образуя почти сомкнутую сень, задерживающую в жаркий полдень жгучий поток солнечных лучей» (с. 50). Таким образом, канариевая аллея оказывается подобной неоклассической дворцовой галерее с рядами стройных высоких колонн, и она перекликается в обликом дворца генерал-губернатора, «изящного белого строения со стройной колоннадой» (с. 52), построенного в начале XIX в. в виде римской загородной виллы. Природа в руках исследователя подчиняется культурному порядку, который оказывается одновременно образцом имперской эстетики, среди которой, однако, в тени деревьев, исследователь чувствует себя хорошо.

У Гаршина, в отличие от Арнольди, эта связь ботаники, эстетики и власти проговаривается вполне отчетливо. Описанная им красивая оранжерея оказывается, по сути, тюрьмой, а ее стальные рамы — решетками: «Сквозь толстые прозрачные стекла виднелись заключенные растения». Если Арнольди любит, как примыкают друг другу ветви тесно посаженных Тейсманном деревьев, то Гаршин пишет о том, что теснота оранжереи мешает растениям нормально развиваться, они вынуждены отнимать друг у друга пищу, ломать ветки друг друга, при этом садовники периодически подрезают их, «чтобы они не могли расти, куда хотят». Гаршин, как и Арнольди, одушевляет растения, и для них пребывание в ботаническом саду оказывается не только тюремным заключением, но и опытом изгнания: «Для растений нужен был широкий простор, родной край и свобода», они «помнили свою родину и тосковали по ней». Слушая гул холодного зимнего ветра, растения «вспоминали иной ветер, теплый, влажный, дававший им жизнь и здоровье». Им хотелось вновь почувствовать его веяние, «но в оранжерее воздух был неподвижен»²⁶.

Самой высокой в оранжерее была пальма, которую директор, сидевший в стеклянной будочке, называл атталеей. «Но это имя не было ее родным именем: его придумали ботаники». Однажды в оранжерею зашел путешественник из той южной страны,

²⁵ Гаршин В. М. Рассказы. Л., 1978, с. 88.

²⁶ Там же, с. 88–89.

где росла пальма, и, увидев ее, он улыбнулся и назвал ее родное имя. «Извините, — крикнул ему из своей будочки директор, в это время внимательно разрезывавший бритвою какой-то стебелек, — вы ошибаетесь. [...] Настоящее имя есть то, которое дается наукой, — сухо сказал ботаник и запер дверь своей будочки, чтобы ему не мешали люди, не понимающие даже того, что уж если что-нибудь сказал человек науки, так нужно молчать и слушаться»²⁷. В отличие от Арнольди, восхваляющего организаторские способности Трейба, при котором предприниматели стали прислушиваться к ученым, Гаршин изображает четко организованный мир директора ботанического сада как деспотическую ограниченность. Тем самым уже в начале рассказа Гаршина проблематизируется роль научных обозначений и классификаций как инструментов власти, научная институция неволит свои объекты, а стремящийся к открытиям ботаник работает, закрываясь в своей будочке, отгороженный от растений стеклом, так же как сами растения — от внешнего мира с его свободой.

Арнольди лишь напоминает читателю о «поэтичном» рассказе Гаршина, не поясняя, как роль ботаника в рассказе может быть соотносится с его собственной. Можно сказать, что, отправляясь в Бейтензорг, Арнольди стремился увидеть растения в их естественной среде, в родном им южном климате, и потому ботанический сад на Яве оказывается противоположностью северной оранжереи, он не неволит и не ограничивает, а позволяет различным видам растений явиться во всей своей прекрасной стати, наука действует в согласии с природой, а не вопреки ей. Арнольди, кроме того, не ограничивается осмотром ботанического сада, а предпринимает походы по окрестностям Бейтензорга и, как уже говорилось, совершает плавание на острова. Местами его описание Бейтензоргского сада выглядит как бы отвечающим Гаршину: «Вот бросается в глаза своими оригинальными рассеченными листьями наш обыкновенный филодендрон, который ботаники называют *Monstera deliciosa*. Его часто культивируют в комнатах и в больших оранжереях, он даже приносит ароматные и сладкие плоды. Здесь это — огромное растение, взбирающееся при помощи своих бесчисленных корней, заключающих в свои объятия ствол канариевого дерева. Это растение не местной флоры, оно вывезено из тропической Америки, где встречается в густых и сырых лесах». Таким образом, даже будучи вывезенным с родины, растение не тоскует, как у Гаршина, тянется к небу и вволю разрастается до таких размеров, какие невозможны в европейских оранжереях. Дойдя до пруда перед дворцом генерал-губернатора, Арнольди обнаруживает викторию регию, «раскинувшую свои листья»: «Это амазонское растение нашло на Яве вторую родину — оно прекрасно растет в Бейтензорге» (с. 51). Арнольди находит и другие южноамериканские растения, а также «пришельцев» из Нубии, Индии, Австралии и с близкой Суматры, все они прекрасно себя чувствуют в ботаническом саду, окруженные заботой директора Трейба и других сотрудников.

Бейтензоргский сад кажется не имеющим ничего общего с тем, что описывается у Гаршина. Там аттаlea в какой-то момент обращается к другим растениям, ссорящимся друг с другом из-за тесноты, с призывом объединиться и взломать окружающие их стены: «Зачем вы ссоритесь? — сказала Attalea. — Разве вы поможете себе этим? Вы только увеличиваете свое несчастье злобою и раздражением. Лучше оставьте ваши споры и подумайте о деле. Послушайте меня: растите выше и шире, раскидывайте ветви, напирайте на рамы и стекла, наша оранжерея рассыплется в куски, и мы выйдем на свободу. Если одна какая-нибудь ветка упрется в стекло, то, конечно, ее отрежут, но что сделают с сотней сильных и смелых стволов? Нужно только работать дружнее, победа за нами». Растения, однако, отказываются последовать революционному призыву аттаlei, «только одна маленькая травка не сердилась на пальму и не

²⁷ Там же, с. 89.

обиделась ее речами. Это была самая жалкая и презренная травка из всех растений оранжереи. [...] Она обвила собою подножие пальмы, слушала ее, и ей казалось, что *Attalea* права. Она не знала южной природы, но тоже любила воздух и свободу»²⁸. Высокая пальма решает пробиваться в одиночку, она начинает усиленно расти и в конце концов таки взламывает крышу оранжереи. На улице, однако, была уже поздняя осень, и пальма начинает замерзать, сквозь проделанную дыру внутрь падают холодные капли дождя и снег. Директор приказывает спилить пальму и выбросить ее. От пилы пострадала и росшая рядом травка. Подобно русским радикальным народникам 1870-х годов, пальма предпочитает погибнуть, взламывая рамки, чем жить в неволе: «Не жалею меня! Я умру или освобожусь!»²⁹ — говорит она маленькой и самостоятельно ни на что не способной травке. Причина гибели пальмы для Гаршина, однако, не только в ее гордой самоуверенности, но и в том, что директор не считает нужным переделывать оранжерею ради одного растения, пусть и столь выдающегося, как атталей, хотя и рассматривает в какой-то момент возможность надстроить над ней стеклянный колпак.

Описание у Гаршина взаимного соперничества растений в оранжерее напоминает многократно описанное исследователями соперничество в колониях различных этнических групп, стремящихся занять более привилегированное положение, что препятствовало солидарности и вело к междоусобной борьбе. На межнациональное соперничество на Яве указывал и русский консул Бакунин, сравнивавший представителей китайской общины «с жидами-факторами в наших губерниях Северо-Западного края», «они захватили в свои цепкие руки всю торговлю», «без китайского посредничества шагу нельзя ступить», «китайцы изрядно-таки эксплуатируют, особенно внутри края, местное население»³⁰. Сравнение с евреями и воспроизведение ряда связанных с ними отрицательных стереотипов выдает неприязненное отношение Бакунина к китайцам, претендующим на то, чтобы быть более близкими к европейцам, чем малайцы. Как отмечала Е. Н. Кондрашкина, «в колониальные времена все китайцы юридически входили в группу так называемых восточных иностранцев, пользовавшихся в большинстве случаев большими по сравнению с местным населением правами. В торговле, например, они приравнялись к иностранцам-европейцам»³¹. После обретения Индонезией независимости это обернулось, наоборот, дискриминацией в отношении китайцев, государственными репрессиями против них и стихийными погромами.

Арнольди не замечает этих противоречий, для него различные народы в колонии существуют рядом друг с другом так же благополучно, как и растения в Бейтензоргском ботаническом саду: «Малайцы — очень симпатичный народ и должны быть отнесены к богато одаренным расам, которых ожидает лучшая будущность сравнительно с настоящим их подчиненным положением. [...] Китайцы также произвели на нас прекрасное впечатление». Арнольди признается, что охотнее посещал китайские лавки, чем европейские магазины (с. 43, 45).

В рассказе Гаршина директор, заметив, что пальма стала хорошо расти, «приписывал такой быстрый рост хорошему уходу и гордился знанием, с каким он устроил оранжерею и вел свое дело». Посетителям он сообщал, что «мы приложили все наше знание, чтобы растения развивались в теплице совершенно так же свободно, как и на воле, и, мне кажется, достигли некоторого успеха». «При этом он с довольным видом похлопывал твердое дерево своею тростью [...] Листья пальмы вздрагивали от этих

²⁸ Гаршин В. М. Указ. соч., с. 89–91.

²⁹ Там же, с. 93.

³⁰ Бакунин М. М. Указ. соч., с. 27.

³¹ Кондрашкина Е. Н. Страна и население. — Индонезия: Справочник. М., 1983, с. 30.

ударов. О, если бы она могла стонать, какой вопль гнева услышал бы директор!»³². Таким образом, констатации благополучия у Гаршина ранят пальму, не способную прямо высказать свой протест, а хорошая организация оказывается ложным самовосхвалением директора, не способным понять, что же происходит на самом деле.

Как уже говорилось, Арнольди совсем коротко упоминает о «поэтичности» рассказа Гаршина и больше никак прямо не выражает своего отношения к нему. Интонация Арнольди лучше заметна в случае другого упоминаемого при описании Бейтензоргского ботанического сада известного произведения русской литературы — пушкинского «Анчара», где говорится о ядовитом дереве в какой-то далекой южной стране, смолу которого раб собирает для своего господина. Доставив смолу, раб умирает, отравившись ядовитыми испарениями, а господин использует отравленные стрелы для порабощения соседних народов. Рассказывая об анчаре в ботаническом саду Бейтензорга, Арнольди упоминает и немецкого ботаника XVII в. Георга Эберхарда Румфа, долгое время жившего на о. Амбон в Молуккском архипелаге. Румф, к сочинениям которого, по-видимому, восходят пушкинские сведения об анчаре, «предостерегает всех подходить к этому ужасному дереву, не обвязавши себе головы, рук и ног платками, — так страшно действуют испарения, исходящие от этого дерева. Если же не принять указанных предосторожностей, то жестокий озноб поражает смельчака, и он падает без сознания под деревом». В Бейтензоргском же саду, сообщает Арнольди, под анчаром «устроена скамейка, где отдыхают натуралисты без всякого вреда для себя, не замечая даже, под каким деревом они сидят». Таких деревьев в саду имеется несколько. «Современная наука без труда срывает покров ужаса с этого страшного дерева. Химик и ботаник показали, что анчар не только не ужасен, но даже совершенно безвреден» (с. 66). Арнольди иронизирует над старыми байками об анчаре, но это оказывается также и насмешкой над стихотворением Пушкина, где, как и у Гаршина, речь идет о свободе и рабстве, а также о роли растений как орудий порабощения народов. Это политическое содержание литературного произведения снова оказывается не значимым для ученого.

Романтическому пафосу Пушкина и утрированной сентиментальности Гаршина, переживающего из-за судьбы травинки («маленькая травка <...> могла лишь еще сильнее обвиться около ствола Attale'i и прошептать ей свою любовь»³³), Арнольди противопоставляет здравое суждение ученого, которое, однако, оказывается граничащим с цинизмом в нежелании замечать колониальное насилие и роль ботаники в его осуществлении.

За десять лет до поездки в Нидерландскую Индию Арнольди проходил стажировку в Мюнхене в лаборатории Карла фон Гёбеля, известного не только научными открытиями, но и своими антидемократическими, шовинистическими и антисемитскими взглядами. Сам Арнольди, как свидетельствуют его письма к жене, сопереживал тогда Дрейфусу³⁴, а отношение Гёбеля к людям ему не нравилось. В письме своему учителю профессору Московского университета И. Н. Горожанкину Арнольди пишет о Гёбеле: «Всякое людское действие он объясняет как естественное и нет такого поступка, на который он не считает способным человека»³⁵. Этот научный цинизм, по мнению Арнольди, можно объяснить характером тех людей, которыми окружен немецкий ученый: «Они дают ему право смотреть на них такими глазами». Гёбель интересен Арнольди своей способностью к «страшному скептицизму»: «Он не способен верить, его нельзя заставить увлечься наиболее животрепещущими вопросами,

³² Гаршин В. М. Указ. соч., с. 92.

³³ Там же.

³⁴ Алексеев Л. В., Белякова Г. А., Поддубная-Арнольди В. А. Указ. соч., с. 35.

³⁵ Цит. по: там же, с. 36.

и заставить хотя бы на минуту выйти из спокойного объективного наблюдения. В этом заключается его необыкновенная сила и способность к истинной научной работе»³⁶. В описании Гёбеля сочетается удивление научным цинизмом и восхищение той научной силой, которую дает ученому неспособный к вере, к игре воображения, склад ума. Возможно, дистанцированное отношение к поэзии и ее пафосной образности — как раз то, чему Арнольди счел нужным научиться у Гёбеля.

При этом, как уже говорилось, работа в Бейтензоргском саду для Арнольди — не только научный, но и эстетический опыт. Он любит стройными рядами деревьев канариевой аллеи при входе в сад или, рассказывая об обычном своем начале дня в Бейтензорге, пишет: «Другой поезд со свистом и грохотом пронесется под террасой отеля, и мы, наскоро проглотив чашку чая и закусывая на ходу бананом, спешим в Ботанический сад, чтобы не пропустить той исключительной мягкости и свежести, того истинного “благоприятствования воздуха”, которое наступает в ранние утренние часы в Бейтензорге. <...> Солнце еще не печет; воздух свеж и прозрачен; вся природа, омытая вчерашним дождем, капли которого еще не успели исчезнуть с листьев, улыбается, как в первый день творения» (с. 69). В отличие от сердитых растений у Гаршина, здесь природа улыбается, и исследователь стремится успеть застать ее в такой «мягкости и свежести». Как отмечает Е. М. Лупанова, эстетический мотив был важен для становления научного знания о лесах и для распространения идей рационального использования природных ресурсов начиная со второй половины XVIII в. «Сентиментализм и мода на эстетику дикой природы способствовали становлению символики леса в культуре. Если в петровское время для власти лес был не более чем ресурсом, средством достижения больших государственных целей, то теперь лес сам по себе превращается в символический капитал, требующий внимания и заботы»³⁷. Таким образом, эстетика в ботаническом саду не была чем-то второстепенным, она делала исследователя больше, чем просто инженером лесного хозяйства, наделяла исследование лесов высоким культурным статусом.

В стремлении сочетать деловой тон описаний с короткими эстетическими отступлениями Арнольди схож с А. фон Гумбольдтом, чьи записки стали образцовыми для многих других рассказов о путешествиях натуралистов. Так, говоря о ботаническом саду на Тенерифе, Гумбольдт сначала останавливается на фигуре маркиза де Нава, которому пришла в голову идея устроить сад, сообщает об огромных расходах, требовавшихся, чтобы выровнять поднимающийся амфитеатром холм Дурасно, о выгодном климате Канарских островов, благодаря чему здешний сад может использоваться для акклиматизации растений со всего мира: «В самом деле, азиатские, африканские и южноамериканские растения без труда могут прижиться в ботаническом саду Оротавы; чтобы ввести в культуру хинное дерево — в Сицилии, Португалии или Гранаде, следовало бы вырастить его сначала в Дурасно или в Ла-Лагуне, а затем доставить в Европу саженцы канарского хинного дерева». Гумбольдт критикует неудачное, по его мнению, размещение растений по классам половой системы, но он также считает нужным в итоге отметить, что из ботанического сада «можно наслаждаться видом острова Пальма, который, подобно замку, возвышается среди океана»³⁸. Эстетическое наслаждение и научная работа для Гумбольдта тесно связаны, и Арнольди следует этой повествовательной модели. Стремление сочетать научные и эстетические суждения было и наследием гуманистического образовательного канона. Однако такая эстетизация работы ботаника, наделение ее символическим капиталом, оказывалось

³⁶ Цит. по: Там же.

³⁷ Лупанова Е. М. Указ. соч., с. 278.

³⁸ Гумбольдт А. Путешествие в равноденственные области Нового света в 1799—1804 гг.: Остров Тенерифе и Восточная Венесуэла. М., 1963, с. 97, 98.

также прямо или подспудно апологией колониального порядка, который делал возможным создание прекрасных и богатых ботанических садов.

Для самого Арнольди поездка в Бейтензоргский сад оказывается опытом, позволяющим ему и, как подразумевается, читателю его книги по-особому взглянуть на современную Россию. Во время пребывания в горном филиале ботанического сада «вечером, усталые от дневной работы, мы отдыхали в уютной гостиной, читая романы из местной библиотеки. И вот среди такой илиллической обстановки однажды были нам доставлены номера “Русских ведомостей” с вестями о далекой родине. Там в это время разыгрывался кошмар азефовщины, и как тяжело, как больно было нам за нашу родину, весь трагизм положения которой был так ясен при оценке его из этого прекрасного далека» (с. 102–103). Прекрасный сад оказывается тем местом, который позволяет особенно глубоко понять современное состояние России, эстетический опыт наделяет способностью политического суждения. Подобно тому, как Бейтензоргский сад отличается от оранжереи, описанной у Гаршина, колониальная Ява противопоставляется России с ее политическими убийствами и полицейскими провокаторами.

Возвращение домой оказывается для Арнольди временем для размышлений о будущем страны. Если на Яву он добирался через Италию, Египет и Цейлон, то обратно Арнольди едет через Японию, Владивосток, Манчжурию и Сибирь. В поезде Китайско-Восточной железной дороги прислуга в вагоне-ресторане «пользовалась беспомощным положением иностранцев», не понимавших по-русски, и «приписывала лишние деньги к счетам» (с. 252). Если для Бакунина в конце 1890-х вырожденческой виделась Нидерландская Индия, то для Арнольди, напротив, опыт пребывания на Яве делает более очевидным упадок российских дальневосточных владений: «После продолжительного наблюдения над китайцами на Яве и других островах Малайского архипелага, после знакомства с ними в Китае я вынес мнение, что скоро Китай станет на тот путь, на котором Япония так блестяще сделала свою международную карьеру, и плохо будет тем, кто урывал клочки от Китая, когда он еще не мог защитить себя» (с. 254). В Японии думают о необходимости колонизации новых земель. Как считает Арнольди, «нам, ближайшим соседям Японии, остается противопоставить ее стремлениям не только силу штыков, но прежде всего силу культуры, знания, развития», и в этом отношении примером выступает как раз колониальная Ява с ее ботаническим садом. Но насколько оптимистично видит Арнольди будущее Нидерландской Индии, настолько пессимистичен он в отношении России: «Увы! Сибирь и вся тактика нашего управления показывают, что нас можно скорее завоевать, чем мы сделаемся культурной страной» (с. 249). Книга Арнольди создает у читателя беспокойство за имперское будущее России, и в то же время предлагает модель спасения, которой оказывается образцовый, почти райский, ботанический сад в Бейтензорге.

Таким образом, как показывают записки Арнольди, в начале XX в. колониальный ботанический сад был не только важной научной и экономической институцией, он мог приобретать и различные символические значения, способствовавшие как легитимации голландской «культурной миссии» на Яве, так и, в совершенно ином контексте, осмыслению российской действительности. Колониальный мир тропиков заставляет задуматься о возможности иной, новой России, в образе которой, однако, парадоксально соединяются идеи главенства свободно развивающихся знаний и успешного имперского доминирования.

Библиография

Алексеев Л. В., Белякова Г. А., Поддубная-Арнольди В. А. Владимир Митрофанович Арнольди (1871–1924). М., 2001.

Арнольди В. М. По островам Малайского архипелага: Впечатления и наблюдения натуралиста. М., 2014.

- Бакунин М. М. Тропическая Голландия: пять лет на острове Ява. М., 2007.
- Гаршин В. М. *Attalea princeps*. — Гаршин В. М. Рассказы. Л., 1978, с. 88–94.
- Гумбольдт А. Путешествие в равноденственные области Нового света в 1799–1804 гг.: остров Тенерифе и Восточная Венесуэла. М., 1963.
- Джержаси Р. Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013.
- Кондрашкина Е. Н. Страна и население. — Индонезия. Справочник. Отв. ред. И. А. Симония. М., 1983, с. 4–39.
- Кюстер Х. История леса: взгляд из Германии. М., 2018.
- Лупанова Е. М. История закрепощения природного ресурса: лесное хозяйство в России 1696–1802 гг. СПб., 2017.
- Неизвестный Миклухо-Маклай. Переписка путешественника с царствующим Домом Романовых, Министерством иностранных дел, Морским министерством и Императорским Русским Географическим обществом. Сост. О. В. Каримов. М., 2014.
- Савицкий Е. Е. Сомалийская деревня в петербургском Луна-парке в 1912 году: история и ее современные интерпретации. — История. Электронный научно-образовательный журнал. 2018, т. 9, вып. 8 (72). <https://history.jes.su/s207987840002442–5–1> (дата обращения 29.09.2019).
- Сауд Э. Ориентализм. М., 2006.
- Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1939.
- Человек и природа: экологическая история. Под ред. Д. Александрова, Ф.-Й. Брюггемайера, Ю. Лайус. СПб., 2008.
- Щербатова О. А. В стране вулканов: путевые заметки на Яве 1893 года. М., 2009.
- Эйдельман Н. Я. Павел Иванович Бахметев (одна из загадок русского революционного движения). — Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг., т. 4. М., 1965, с. 387–398.
- Barnard T. P. Nature's colony: Empire, nation and environment in the Singapore botanic Gardens. Singapore, 2017.
- Brockway L. H. Science and colonial expansion: The role of the British Royal botanic gardens. New York, 1979.
- Dreesbach A. Gezähmte Wilde: Die Zurschaustellung exotischer Menschen in Deutschland, 1870–1940. New York — Frankfurt a.M., 2005.
- Emerit M. Les saints-simoniens en Algérie. Paris, 1941.
- Mackenzie J. M. Museums and empire: Natural history, human cultures and colonial identities. Manchester, 2010.
- Mintz S. W. Sweetness and power: The place of sugar in Modern history. London, 1985.
- Mückler H. Kolonialismus in Ozeanien. Wien, 2012.
- Pratt M. L. Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. London — New York, 1992.
- Rappaport E. A Thirst for Empire. How Tea Shaped the Modern World. Princeton, 2017.
- Schweighofer E. Vom Neandertal nach Afrika. Der Streit um den Ursprung der Menschheit im 19. und 20. Jahrhundert. Göttingen, 2018.
- Taussig M. Palma africana. Chicago, 2018.
- Wille R.-J. Mannen van de microsoop: De laboratoriumbiologie op veldtocht in Nederland en Indië, 1840–1910. Nijmegen, 2019.
- Williamson F. Weathering the empire: meteorological research in the early British Straits settlements. — British journal for the history of science, 2015, v. 48, p. 475–492.
- Writing culture: The poetics and politics of ethnography. Ed. by J. Clifford, G. E. Marcus. Berkley — Los Angeles, 1986.
- Writing, Travel, and Empire: In the Margins of Anthropology. Ed. by P. Hulme, R. McDougall. New York, 2007.
- Zimmerman A. Anthropology and Antihumanism in Imperial Germany. Chicago, 2001.
- Zoo humans: Au temps des exhibitions humaines. Sous la dir. de N. Bancel, P. Blanchard, G. Boëtsch et al. Paris, 2004.

References

Alekseev L. V., Belyakova G. A., Poddubnaya-Arnoldi V. A. Vladimir Mitrofanovich Arnoldi (1871–1924). Moscow, 2001. (In Russ.)

- Arnoldi V. M.* On the Islands of the Malay Archipelago: Impressions and Observations of a Naturalist. Moscow, 2014. (In Russ.)
- Bakunin M. M.* Tropical Holland: Five years on the island of Java. Moscow, 2007. (In Russ.)
- Barnard T. P.* Nature's colony: Empire, nation and environment in the Singapore botanic Gardens. Singapore, 2017.
- Brockway L. H.* Science and colonial expansion: The role of the British Royal botanic gardens. New York, 1979.
- Dreesbach A.* Gezähmte Wilde: Die Zurschaustellung exotischer Menschen in Deutschland, 1870–1940. New York – Frankfurt a.M., 2005.
- Emerit M.* Les saints-simoniens en Algérie. Paris, 1941.
- Eydelman N. Y.* Pavel Ivanovich Bakhmetev (one of the mysteries of the Russian revolutionary movement). — The revolutionary situation in Russia in 1859–1861, v. 4. Moscow, 1965, p. 387–398. (In Russ.)
- Garshin V. M.* Stories. Leningrad, 1978. (In Russ.)
- Geraci R. P.* Window on the East: National and imperial identities in late tsarist Russia. Ithaca – London, 2001.
- Humboldt A. von.* Personal narrative of travels to the equinoctial regions of the New Continent during the years 1799–1804. Tenerife Island and Eastern Venezuela. Moscow, 1963. (In Russ.)
- Kondrashkina E. N.* Country and population. — Indonesia: Reference book. Ed. by I. A. Somoniya. Moscow, 1983, p. 4–39. (In Russ.)
- Küster H.* Geschichte des Waldes: Von der Urzeit bis zur Gegenwart. München, 1998.
- Lupanova Y. M.* Enslavement of woods history: Establishment of Russian Forestry in 1696–1802. Saint-Petersburg, 2017. (In Russ.)
- Mackenzie J. M.* Museums and empire: Natural history, human cultures and colonial identities. Manchester, 2010.
- Man and Nature: Environmental History.* Ed. by D. Alexandrov, F.-J. Bruggemeier, J. Lajus. Saint-Petersburg, 2008. (In Russ.)
- Mintz S. W.* Sweetness and power: The place of sugar in Modern history. London, 1985.
- Mückler H.* Kolonialismus in Ozeanien. Wien, 2012.
- Pratt M. L.* Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. London – New York, 1992.
- Rappaport E.* A Thirst for Empire. How Tea Shaped the Modern World. Princeton, 2017.
- Said E.* Orientalism. Moscow, 2006. (In Russ.)
- Savitskiy E. E.* The Somali Village in the Luna Park of Saint Petersburg in 1912: History and Its Contemporary Interpretations. — The Journal of Education and Science “Istoriya”. 2018, vol. 9, Issue 8(72). <https://history.jes.su/s207987840002442-5-1> (access date 29.09.2019). (In Russ.)
- Schweighofer E.* Vom Neandertal nach Afrika. Der Streit um den Ursprung der Menschheit im 19. und 20. Jahrhundert. Göttingen, 2018.
- Shcherbatova O. A.* In the country of volcanoes: Travel notes on Java in 1893. Moscow, 2009. (In Russ.)
- Taussig M.* Palma africana. Chicago, 2018.
- Tylor E. B.* Primitive Culture, vol. 1. London, 1871.
- Unknown Miklouho-Maclay. Correspondence of a traveler with the reigning Romanov House, the Ministry of Foreign Affairs, the Maritime Ministry and the Imperial Russian Geographical Society. Publ. by O. V. Karimov. Moscow, 2014. (In Russ.)
- Wille R.-J.* Mannen van de microsoop: De laboratoriumbiologie op veldtocht in Nederland en Indië, 1840–1910. Nijmegen, 2019.
- Williamson F.* Weathering the empire: meteorological research in the early British Straits settlements. — British journal for the history of science. 2015, vol. 48(3), p. 475–492.
- Writing culture: The poetics and politics of ethnography. Ed. by J. Clifford, G. E. Marcus. Berkley – Los Angeles, 1986.
- Writing, Travel, and Empire: In the Margins of Anthropology. Ed. by P. Hulme, R. McDougall. New York, 2007.
- Zimmerman A.* Anthropology and antihumanism in imperial Germany. Chicago, 2001.
- Zoo humans: Au temps des exhibitions humaines. Sous la dir. de N. Bancel, P. Blanchard, G. Boëtsch et al. Paris, 2004.